

УДК 821.112.2
ББК 84(4Гем)
К14

Christine Cazon
MÖRDERISCHE CÔTE D'AZUR

Перевел с немецкого
Сергей Кормилицын

Дизайнер обложки
Александр Андрейчук

Художник
Людмила Котельникова

Казон К.

К14 Выстрел на фестивале : [роман] / Кристин Казон; [пер. с нем. С. Кормилицына]. — СПб. : Аркадия, 2020. — 352 с. — (Серия «Лазурный детектив»).

ISBN 978-5-907143-62-3

Май, Канны. Кинофестиваль в самом разгаре. Но атмосферу праздника портит ужасное происшествие — документалист Серж Тибо застрелен во время демонстрации собственного фильма. Преступник должен быть пойман как можно скорее! И комиссар Дюваль, только что переехавший из Парижа на Лазурный берег, вынужден бросить нераспакованные коробки с вещами и с головой погрузиться в расследование. Результат окажется неожиданным даже для искушенных знатоков детективного жанра!

УДК 821.112.2
ББК 84(4Гем)

© Verlag Kiepenheuer & Witsch GmbH & Co. KG, Cologne, Germany, 2014

© Издание на русском языке, перевод на русский язык, оформление.

ООО «Издательство Аркадия», 2020

© Shutterstock

ISBN 978-5-907143-62-3

Моему тихому любителю Севера

Un beau jour ou peut-être une nuit
Près d'un lac je m'étais endormie
Quand soudain, semblant crever le ciel
Et venant de nulle part,
Surgit un aigle noir.

«L'aigle noir». Barbara, 1970¹

---

¹ Одним прекрасным днем, а может, ночью
Я задремала у озерных вод.
Вдруг небо лопнуло! И вижу я воочию
Орел — черней чем ночь —
Из ниоткуда вырвался в полет..
«Черный орел». Барбара, 1970
(певица и поэт Моник Андре Серф, 1930–1997).

1.

— Мсье Дюваль? Комиссар Леон Дюваль?

— Да?!

— Это Тилли, прокурор Тилли из Граса. Мне очень жаль, что я вынужден вас побеспокоить, ведь вы должны выйти на службу только через неделю... но у нас чрезвычайные обстоятельства: сегодня во Дворце во время утреннего показа произошло убийство.

— Бонжур, мсье прокурор. Вы имеете в виду Дворец фестивалей?

— Да, именно его. Вы же знаете, что у нас в Каннах проходит ежегодный кинофестиваль? Представляете, какие последствия может вызвать подобное происшествие? Крайне деликатная проблема. Именно поэтому я попрошу вас прибыть незамедлительно. Я уже договорился с Мерсье, директором. Кстати, он занимает еще и должность заместителя мэра. Мерсье будет ожидать вас во Дворце и встретит у входа. Кроме того, я только что отправил в Канны своего заместителя Делавуа. Вы его знаете. Он вас со всеми познакомит. Имейте в виду: дело первостепенной важности, и вести его придется лично вам. Кинофестиваль должен продолжаться без помех. Пресса, конечно, уже роет землю в поисках сенсации. Скорее всего, вас днем и ночью будут осаждать сотни журналистов. Пока никто не знает, кому выгодно это убийство! В крайнем случае выдайте им какую-нибудь информацию, но, конечно, ничего по-настоящему важного. Мы проводим ежедневные пресс-конференции, сначала ими будет руководить мой заместитель, но позже вы тоже должны будете там при-

существовать. Как я уже говорил, все надо делать быстро и осторожно. Нам не нужна еще одна катастрофа.

— Конечно, мсье прокурор. Я выезжаю.

— Вы сможете прибыть туда поскорее? Спасибо, месье комиссар. Я думаю, Делавуа скоро тоже окажется на месте. От него вы узнаете все подробности.

Комиссара захлестнула волна раздражения. Он отложил в сторону дрель, которой минуту назад просверлил два отверстия в стене ванной комнаты, чтобы установить полотенцесушитель. Дюваль только что переехал и сейчас второпях пытался обжиться — в основном все вещи еще лежали в картонных коробках. Правда, имелись комод и два шкафа, доставшиеся от отца, который, в свою очередь, унаследовал их от своих родителей. Темная, массивная мебель, удобная, хотя и старомодная, придавала новой квартире знакомый и уютный вид. Будто оказался в родном доме. Строго говоря, Дюваль предпочитал современный минималистский стиль, с его простотой и прохладой. Его прежняя парижская городская квартира была именно такой: ничего лишнего. Но он получил в наследство от отца эту старинную виллу с большими комнатами и высокими потолками — даже ванная, которую он сейчас обустраивал, выглядела целым залом.

Дюваль занервничал. Свое возвращение в Канны он представлял несколько иначе, и расследование убийства уж точно не входило в его планы на ближайшую неделю. Он взглянул на собственное отражение в зеркале: потное, небритое лицо, покрытое слоем строительной пыли. Комиссар пригладил волосы, понюхал под мышками и решительно шагнул под душ. Потом побрился и стал искать

в куче одежды, лежащей на кресле рядом с кроватью, чистую и не мятую рубашку.

Из гостиной доносилась песня Жоржа Брассенса. Шансонье пел о юбке Элен, в которой она выглядела так, что никто не обращал на нее внимания². Дюваль, несмотря на усиливающееся волнение, стал подпевать, громко и фальшиво. У него никак не получалось попасть в мелодию, которую он так любил. Она напоминала ему о другой Элен — той, которая однажды заявила ему, что больше не желает слышать эту песню. Собственно, она и о Брассенсе больше ничего не хотела слышать. С нее было довольно и Брассенса, и самого Дюваля. Комиссара захватили воспоминания, он уже не вслушивался в слова. Будто сквозь матовое стекло он видел, как Элен снимает с проигрывателя пластинку, которую они слушали вместе, и разбивает ее: «Я больше не могу! Уходи!»

А вот он был готов каждый день начинать с песен этого шансонье, особенно когда был на взводе. Гитарные переборы позволяли полностью расслабиться и тщательно все обдумать, не обращая внимания на то, что происходит вокруг.

Дюваль подключил сразу же после переезда только стереосистему и телевизор. Несколько квадратных метров занимали проигрыватели виниловых пластинок и лазерных дисков. Наконец-то у него хватало места для всего, что он так любил. Вопреки полному отсутствию слуха или, наоборот, благодаря этому Дюваль страстно нуждался в музыке — казалось, он неосознанно стремился восполнить свою полную немзыкальность. Ему нравилось,

---

² Имеется в виду песня Жоржа Брассенса «*Les sabots d'Hélène*». (Здесь и далее — примеч. перев.)

что в новом доме он наконец сможет включать диски, не опасаясь, что соседи начнут колотить в потолок. Ведь, по его мнению, музыку следует слушать, только включив звук на полную громкость.

Он так и не нашел подходящей рубашки и продолжил рыться в коробке с одеждой. Наружу было извлечено поло. Большая часть вещей оставалась упакованной, и вряд ли что-то изменится к лучшему, когда он снова окажется на службе. Комиссар вздохнул: уж он-то знал себя и свою работу. Скоро ему потребуется кто-то, кто будет стирать и гладить его рубашки. Интересно, работает ли еще прачечная неподалеку от здешней гимназии?

Отыскав наконец чистые джинсы, Дюваль потянулся было за кожаной курткой, однако в последний момент засомневался. В конце концов, это его первый рабочий день. Да и убийство произошло не где-нибудь, а во Дворце фестивалей.

Он снова взглянул на себя в зеркало. Рыжие кудри придавали его облику шарм бродяги и в то же время что-то мальчишеское. Недаром женщинам так нравилось играть этими прядями, вне зависимости от того, насколько коротко они были подстрижены.

Однако сегодня предстояла серьезная работа, а значит, будет уместен деловой стиль. Из недр шкафа появился пиджак. «Вперед! — скомандовал Дюваль своему отражению. — Новый город, новая работа, новое счастье!»

Песня Брассенса была решительно прервана на полуслове. Входная дверь захлопнулась. Комиссар спускался по ступенькам крыльца, по пути вспоминая, где он припарковал машину. Улица встретила его теплыми солнечными лучами. Погода была настолько хорошей, что идея

дойти до Дворца фестивалей пешком показалась Дювалю весьма удачной. Ему всегда нравилась быстрая ходьба, к тому же только так можно заранее вкусить фестивальной атмосферы.

Шагая по оживленной авеню де Грас, он миновал парк Меру, который выглядел намного лучше, чем в те дни, когда Дюваль видел его в последний раз. Ворота были открыты. Раньше за ними начинались пыльные дорожки, которые ныне могли похвастаться новым винно-красным покрытием. На скамейке рядом со входом сидела пожилая дама и кормила многочисленных котов, которые бродили вокруг нее с жалобным мяуканьем. Комиссар с третьей попытки перешел на другую сторону, удивляясь невероятному количеству мотоциклов, легковых автомобилей и автофургонов, которые хаотично передвигались по извилистой улице. «Раньше их столько не было, — недовольно отметил он. — Невыносимо шумно!» Затем он прошел мимо витрины, где уже несколько десятилетий подряд было выставлено кресло, вскрытая обивка которого, видимо, должна была убедить окружающих в надежности его внутреннего устройства. Дюваль отмечал про себя те фирмы, которые помнил, те, что сохранились со старых времен: автосервис, аптека, небольшая прачечная, парикмахерская, ателье, еврейское похоронное бюро и, наконец, магазин электротоваров, розовый фасад которого круглый год переливался разноцветными рождественскими огоньками. И ни одного продуктового магазина, ни одной пекарни, ни одной мясной лавки! Вместо них — салон пирсинга и татуировок, салон красоты, маникюрный салон и вездесущие пиццерии, которые доставляют свою продукцию на дом.

Дюваль пересек бульвар Карно, оставив справа полицейское управление, и углубился в улочки, по обеим сторонам которых выстроились многочисленные бутики с модной одеждой, цветами, украшениями и всякими декоративными мелочами. Между ними затесались банк и целых три агентства недвижимости, что неудивительно: этот бизнес — один из самых выгодных на Лазурном берегу.

Наконец впереди показался угловатый колосс — Дворец фестивалей. Расстояние до него было совсем небольшим, и идти оставалось считанные минуты, если б не приходилось пробиваться сквозь плотную толпу празднующихся. Дюваль дошел до улицы Антиб, одного из самых роскошных торговых мест Канн, и, бросив быстрый взгляд направо и налево, пересек ее на красный свет. Никогда он еще не видел столько людей. Впрочем, он ни разу не оказывался в Каннах во время фестиваля.

Вдруг затрещал мобильный телефон — звонил глава полиции, непосредственный начальник Дюваля.

— Мсье комиссар, вы уже в пути?

— Да, месье, я уже перед Дворцом.

— Хорошо, хорошо. Немножко неожиданное для вас начало, но ведь это так свойственно нашей профессии! Вы уже это осознали, не так ли? Вилье и Леблан сейчас на месте преступления. Они вам знакомы. Можете всецело на них полагаться. Я выделю вам еще пару людей. Мы должны распутать это дело максимально быстро. Надо действовать осторожно, но эффективно. Не всё можно обсуждать по телефону. Вы понимаете, министр внутренних дел, министр культуры... Не хочу вас больше задерживать, Дюваль. Смелей! Не забывайте меня информировать, как будет продвигаться расследование.

— Да, месье Леонид. Так точно.

Тем временем Дюваль оказался перед Дворцом фестивалей. Официальное название многоугольного здания — Дворец фестивалей и конгрессов, но все обычно называли его просто Дворцом. Первые трудности начались у входа. Все двери оказались заперты. Даже служебное удостоверение не возымело никакого действия. Пришлось долго названивать по телефону, связываясь со службой безопасности. Наконец трубка пролаяла, что он может войти. Тот самый охранник, который минуту назад не хотел впускать комиссара, теперь неловко отсалютовал ему, не убирая телефон от уха. Путь в глубины Дворца наконец-то был открыт.

До сей поры Дюваль не имел представления о внутреннем убранстве этого сооружения, и его озадачило, что потолок в вестибюле оказался неожиданно низким. Подспудно он ожидал увидеть высокие своды, но, видимо, замысел строителей был иным: разместить в здании максимально возможное количество этажей. Кругом все было угловатым и холодным в соответствии с узнаваемым, но давно вышедшим из моды стилем восьмидесятых. Повсюду лестницы и двери, длинные коридоры с коврами покрытиями и искусственными пальмами, стены, увешанные зеркалами, и светильники — тысячи золотых светильников. И везде буквально кишели люди. Дюваль подумал, что не имеет ни малейшего представления о том, куда ему деваться в этом потоке.

Вдруг он заметил спешившего ему навстречу человека в темном костюме.

— Месье комиссар, очень рад! Я — Мерсье, директор Дворца кинофестивалей. Большое спасибо, что вы сразу

откликнулись, — добавил он, пожимая Дювалю руку. — Видите ли, нам позарез нужно открыть Большой зрительный зал, где, собственно, и произошло убийство. Мы еще можем исключить из программы кинопоказ в половине двенадцатого, в крайнем случае даже тот, что должен состояться в пятнадцать часов. Но потом все знаменитости начнут собираться для новых мероприятий, назначенных на девятнадцать и на двадцать три часа, и вот тут нам уже никак не обойтись без Большого зала.

— Расскажите мне уже наконец, что произошло, — взмолился Дюваль, едва поспевая за взволнованным директором.

— Режиссер Серж Тибо был застрелен сегодня во время утреннего показа!

— Тибо? Во время просмотра фильма? — комиссар внутренне похолодел. Теперь стала понятна вся эта суета. Если бы грохнули кого-то неизвестного, это тоже было бы ужасно, но убийство знаменитости во время фестиваля — истинный кошмар. В голове мелькнула циничная мысль: «Поздравляю, Дюваль! Отличное начало!»

Тем временем Мерсье уточнил:

— Он был застрелен в тот момент, когда демонстрировался его собственный фильм.

— Как это произошло?

— Толком не знаю. Будет лучше, если вы спросите у своих коллег. Фильм закончился. Зажегся свет. Все повернулись к режиссеру. Вот тут-то и стало понятно, что он не просто сидит в расслабленной позе, а безжизненно обмяк в кресле. Во время показа в зале, естественно, было темно. У нас прекрасное оборудование. Благодаря новейшим технологиям зрители видят и слышат только то, что

происходит на экране. Сидевшие вокруг люди лишь обратили внимание, что Тибо немного съехал вниз. Было похоже, что он заснул. Знаете, после всех этих бесчисленных вечерних мероприятий кажется вполне естественным, если человек задремал в темноте. Впрочем, ваши коллеги, возможно, расскажут вам всё намного точнее. Они уже собрались. Здесь присутствует помощник прокурора, который вас представит. Проходите, месье комиссар, проходите!

Месье подвел Дюваля к группе беседующих мужчин в темных костюмах. Тот, что, взволнованно жестикулируя, держал речь, заметив подошедших, повернулся к ним.

— Комиссар Дюваль? Меня зовут Жан Делавуа, заместитель прокурора. Господа, познакомьтесь. Месье комиссар — новый человек в Каннах. Только что прибыл к нам из столицы.

Дюваль глубоко вздохнул, стараясь придать лицу вежливое, но при этом немного отстраненное выражение, и пробормотал: «Очень приятно». Борясь с предательской дрожью в руках, он посмотрел в глаза каждому и постарался запомнить должности и имена. Глядя в обращенные к нему холодные равнодушные лица, Дюваль отметил про себя, что во время расследования ему, похоже, придется иметь дело со сливками местного общества.

— Надеюсь, наше сотрудничество окажется успешным, месье комиссар, — проговорил заместитель прокурора. — Тилли настоял, чтобы именно вы вели расследование. С нашей стороны будет обеспечена всяческая поддержка. Для начала вам не помешает пара помощников. Как же все-таки хорошо, что вы приехали! Нам очень пригодится ваш столичный опыт. Я это нутром чую, если вы понимаете, о чем я.

Тут в разговор вступил хмурый господин, представленный Дювалю как Чарльз Леклерк — президент кинофестиваля:

— Господин комиссар, вы не представляете, как нам необходим Большой зрительный зал! Хотелось бы знать, когда мы сможем его задействовать?

Дюваль подумал, что он еще ровным счетом ничего не знает о деле, а уже должен давать какие-то пояснения. Но не успел он собраться с мыслями, как прозвучал ответ заместителя прокурора:

— Господин президент, мы предпринимаем все возможные усилия, чтобы зал открыли как можно быстрее. Поверьте, мы прекрасно понимаем ваше положение и сделаем все от нас зависящее, чтобы эта ситуация поскорее разрешилась. Не так ли, месье комиссар?

Дюваль вежливо кивнул.

— А раз так, проходите, месье комиссар. Я немедленно познакомлю вас с нашим мэром, — проговорил Мерсье, сопровождая свои слова приглашающим жестом.

Пока они преодолевали те несколько шагов, что отделяли их от маленького коренастого господина, стоящего поодаль, Мерсье не переставая пел дифирамбы градоначальнику: «Месье Дюваль, перед вами — наш мэр, Жан-Мари Леккок, самый достойный, честный и деятельный человек в Каннах».

— Господин мэр, позвольте вам представить нашего нового комиссара.

Они обменялись рукопожатиями. Мэр, загорелый пожилой господин, продемонстрировал профессионально-благожелательную улыбку, пристально разглядывая Дюваля холодными светло-голубыми глазами.

— Добро пожаловать в самый красивый город Франции, месье комиссар! Надеюсь, Канны вам понравятся. К сожалению, повод для знакомства у нас весьма печальный. Но я полагаю, что вы быстро разрешите эту ситуацию, не правда ли? Во всем остальном Канны — замечательный город. Здесь хорошо живется. У нас нет трущоб на окраинах, тут не сжигают автомобили, не бросают на улицах камни. У нас почти так же безопасно, как в княжестве Монако. И все это благодаря великолепно отлаженной правоохранительной системе. В этом вы скоро убедитесь. До нынешнего дня у нас всё было спокойно. Я приложил к этому немало усилий. Фестиваль — наша визитная карточка. Как вы понимаете, мы меньше всего заинтересованы в скандале. Я уверен, что вы отыщете убийцу быстро и без лишнего шума, чтобы наш добрый друг Леклерк смог как можно скорее использовать по назначению Большой зрительный зал, не так ли? Фестиваль должен продолжаться, несмотря ни на что!

Дюваль отметил про себя, что это пафосное заявление мэра вызвало горячую поддержку окружающих чиновников.

— Теперь позвольте откланяться. Если я понадобится, вы знаете, где меня искать. Мэрия находится здесь, всего в двух шагах. Я в вашем распоряжении в любое время, равно как и Мерсье. Не правда ли?

Директор Дворца поспешно кивнул.

— Благодарю вас, господин мэр, — проговорил комиссар вежливым, хотя и несколько суховатым тоном. Ему совершенно не понравилась манера Леккока держаться так, словно он звезда экрана или выступает на предвыборном мероприятии. Вести себя подобным образом на

месте, где только что произошло убийство, как-то недостойно. «*Nomen est omen*³, — решил Дюваль. — Этакий самодовольный петух!»⁴

В компании заместителя прокурора Дюваль проследовал ко входу в Большой зал.

— Ну что ж, за работу, месье комиссар! Надо действовать максимально быстро. У нас журналисты на хвосте. По большому счету, сейчас весь мир смотрит на Канны... Сегодня я, конечно же, проведу обязательную пресс-конференцию. Вы можете не беспокоиться и приступить к работе. А, вот еще, чуть не забыл: ваш следственный судья⁵, мадам Марнье, очень дотошная дама. Свяжитесь с ней поскорее. Она ждет вашего звонка. Одним словом, смелее вперед, господин комиссар!

Произнеся это напутствие, Делавау удалился.

У входа в зал Дюваль увидел Вилье — надежного помощника, знакомого ему по прошлым делам.

— Знакомство с командой мечты состоялось? Лучший старт даже и представить себе невозможно! Добро пожаловать в Канны! — съехидничал Вилье. — Мимо этих господ вы не проскочите, и будет лучше, если вы поладите с обоими. Не дайте себя обмануть. Мерсье — хитрый лис, интеллигентный карьерист, довольно тонкий интриган. А мэр — весьма агрессивный тип.

Дюваль не стал отвечать на эти замечания, отделавшись чем-то вроде неопределенного «Хм-м-м...». Свои

---

³ *Nomen est omen* (лат.) — «Имя есть значение», то есть имя говорит само за себя.

³ Фамилия мэра — Лекок, с французского буквально переводится как «петух».

⁵ Следственный судья — должностное и процессуальное лицо в правовой системе ряда европейских и южноамериканских стран, совмещающее функции судьи и следователя.

мысли он предпочел оставить при себе, попросив лишь ввести его в курс дела.

— Вам что-то говорит имя Серж Тибо? — поинтересовался Вилье.

— Не очень много, — признал комиссар.

— Тибо был режиссером-документалистом, снимал кино о природе. Красивый, харизматичный парень, к тому же был феноменально успешен с тех самых пор, когда ему пришла в голову идея, что мир можно снимать с высоты летящего вертолета. В последние годы его творчество было связано с охраной тропических лесов. Он стал своеобразным супергероем от экологии, иконой всех природоохранных организаций. Долгое время Тибо считался идеальным кандидатом в президенты от Экологической партии. Буквально в последние минуты голосования его обогнала какая-то женщина-активист. Однако она не настолько публичная личность. На фоне скромных результатов Экологической партии популярность Тибо как режиссера выросла еще больше. Избиратели утвердились во мнении, что если бы выбрали его, то успех партии был бы гарантирован. Новый фильм Тибо посвящен спасению тропических лесов в бассейне Амазонки. Именно во время просмотра этого фильма режиссера и застрелили. Кстати, с ним сюда приехали настоящие южноамериканские индейцы. Забавный народец! Обратите внимание, они вон там, в углу зала.

— Хм-м-м, — снова протянул Дюваль. Он с удивлением уставился на небольшую группу растерянных индейцев в пестрых рубахах и штанах. Некоторые сидели прямо на полу, безучастно глядя перед собой. Что за нелепая идея притащить амазонских аборигенов на фести-

валь! Зачем они здесь? Еще более странно, что среди них была милая маленькая девочка. Она смотрела на Дюваля огромными глазами и широко улыбалась, демонстрируя отсутствие переднего зуба. Эта трогательная деталь заставила комиссара вспомнить о Лили, его маленькой дочке, и он твердо пообещал себе, что обязательно позвонит ей сегодня же вечером.

А Вилье продолжал разливаться соловьем:

— Видите журналист за ограждением? Их там тысячи...

Дюваль возмущенно поднял брови, реагируя на реплику. Прежде он бывал в Каннах и потому немного знал местных полицейских: капитана Леблана и Ноя Вилье, высокого, стройного молодого человека спортивного телосложения. Его мать была уроженкой острова Реюньон⁶. Именно она наградила сына смуглым оттенком кожи и библейским именем. Отец — военный из расквартированного на острове гарнизона. Вилье, всегда в приподнятом настроении, постоянно готовый пошутить и потрепаться, судя по всему, сочетал в себе черты характера обоих родителей. Речь его изобиловала каламбурами. Он не мог пройти мимо каких-то смешных моментов и, следуя своему девизу: «Всегда оставаться свободным», не особенно задумывался над тем, как к этому отнесутся окружающие. Словом, серьезным человеком назвать Вилье было трудно, но полицейским он был прекрасным — благодаря своему шарму и нетрадиционному подходу, всегда узнавал больше, чем любой другой на его месте.

---

⁶ Реюньон — заморский регион Франции. Расположен на одноименном острове в Индийском океане, в 700 км к востоку от Мадагаскара.